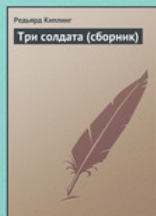

Редьярд Киплинг

С часовыми

*Часть сборника
Три солдата (сборник)*

Редьярд Джозеф Киплинг

С часовыми

Серия «Три солдата»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6648361

Аннотация

«– Святая Мария, милосердная Матерь небесная, зачем дьявол занес нас сюда и зачем мы торчим в этой унылой стране? Скажите, сэр!

Так говорил Мельваней. Время действия – час душной июньской ночи; место действия – главные ворота Форта Амара, самой унылой и наименее привлекательной крепости во всей Индии. Что я там делал в то время – касается только сержанта м-ра Греса и часовых...»

Редьярд Киплинг

С часовыми

* * *

– Святая Мария, милосердная Матерь небесная, зачем дьявол занес нас сюда и зачем мы торчим в этой унылой стране? Скажите, сэр!

Так говорил Мельваней. Время действия – час душной июньской ночи; место действия – главные ворота Форта Амара, самой унылой и наименее привлекательной крепости во всей Индии. Что я там делал в то время – касается только сержанта м-ра Греса и часовых.

– Сон, – продолжал Мельваней, – вещь излишняя. Часовые бодро простоят до смены.

Сам Мельваней был обнажен до пояса; на соседней койке лежал Леройд, и с него стекали струйки воды, которой одетый только в белое нижнее платье Орзирис полил его из меча; четвертый рядовой, лежа с открытым ртом в полосе света, падавшего из большого фонаря, что-то беспокойно бормотал. Под огромной кирпичной аркой стояла страшная жара.

– Не припомню ночи хуже. Ох! Не выволокли ли на землю весь ад? – продолжал Мельваней.

Порыв раскаленного, обжигающего кожу ветра прорвался сквозь решетчатые ворота, точно морская волна; Орзирис выругался.

– Легче ли тебе, Джек? – спросил он Леройда. – Положи голову между коленями, и через минуту все пройдет.

– Мне все равно; ах, мне было бы все равно, но мое сердце выбивает трель о мои ребра. Дайте мне умереть. Ой, дайте мне умереть, – простонал огромный йоркширец. Будучи мясистер, он плохо переносил зной.

Спавший под фонарем на мгновение проснулся и приподнялся на локте.

– Умри же и будь проклят! – сказал он. – Я проклят и не могу умереть.

– Кто это? – прошептал я, так как не знал только что прозвучавшего голоса.

– Прирожденный джентльмен, – ответил Мельваней, – с первого же года – капрал, затем – сержант. До белого каления жаждет офицерского чина, но пьет, как рыба. Еще до наступления холода он отправится на тот свет. Так-то.

Мельваней скинул сапог и голым пальцем дотронулся до спускового крючка своего ружья. Орзирис неправильно истолковал его движение, и в следующую секунду ружье ирландца было отодвинуто.

Орзирис остановился перед ним с глазами, в которых светился упрек.

– Ты! – сказал Орзирис. – Боже мой, это ты-то! Уж если

так поступаешь ты, Мельваней, что же нам-то делать?

– Спокойнее, малыш, – ответил ему Мельваней и не очень нежно оттолкнул его, – пока Дина Шад жива, я не сделаю ничего подобного. Я просто хотел показать кое-что.

Леройд, лежа на своей койке, кивнул головой и просто-нап, а джентльмен-рядовой вздохнул во сне. Орзирис взял протянутый ему кисет Мельваней, и мы, все трое, некоторое время молча курили, а пыльные дьяволы плясали на гласисе¹ и проносились по докрасна раскаленной равнине.

– Стаканчик? – сказал Орзирис, отирая свой влажный лоб.

– Не терзай ты меня разговорами о выпивке; не то я запишаю тебя в казенную часть твоего же собственного ружья и выстрелю тобой, – проворчал Мельваней.

Орзирис засмеялся и через минуту принес из ниши на веранде шесть бутылок имбирного пива.

– Ах ты, пройдоха! Откуда это пиво? – спросил его Мельваней. – Пойло не с базара.

– Откуда ты знаешь, что пьют офицеры? – ответил Орзирис. – Ты ведь не сержант-буфетчик.

– А все-таки, сынок мой, скоро ради тебя соберется областной военный суд, – сказал Мельваней, – но, – он раскупорил бутылку, – на этот раз я не подам на тебя рапорт. Все, что хранится в буфете, предназначено для желудка, особенно же все, что касается выпивки. За удачу! Идет ли крова-

¹ Гласис – пространство перед крепостным рвом.

вая война или нет, все равно, стоит такая погода, от которой сохнет горло. Итак, война! – И он качнул бутылкой во все четыре стороны горизонта. – Кровавая война! Север, восток, юг и запад! Эй, Джек, ты, стог сена, подойди выпей!

Но Леройд, полуобезумевший от страха смерти, о которой ему говорили надувшиеся на его шее жилы, молил Создателя послать ему смерть, а в промежутках между обрывками молитвы старался вздохнуть поглубже. Орзирис вторично облил его дрожащее тело водой, и бедный исполин ожил.

– Только подумать! Я когда-то не понимал, что человек не пригоден для жизни и что жить не стоит... Слушайте, ребята. Я устал. У меня размякли кости. Дайте мне умереть спокойно.

Прерывистый шепот Леройда глухо отдавался под сводом ворот.

Мельваней безнадежно взглянул на меня; я же вспомнил, как однажды в один ужасный-ужасный день на берегу реки Кхеми безумное отчаяние охватило Орзириса и как тогда ловкий волшебник Мельваней изгнал уныние и печаль из его души.

– Говорите, Теренс, говорите, – сказал я, – не то Леройд совсем размякнет и станет еще хуже, чем, помните, был Орзирис. Говорите! На ваш голос он отзовется.

Чуть ли не раньше, чем Орзирис проворно и ловко кинул на кровать Мельванея все ружья часовых, ирландец заговорил, точно продолжая какой-то рассказ. Обращаясь ко мне,

он сказал:

– Ваша правда, сэ, в бараке ли или на открытом воздухе, ирландский полк – дьявол или еще того хуже. С этими малы-ми может справиться только человек, хорошо воспитавший свои кулаки. О да, ирландский полк – орудие истребления, во время войны солдаты-ирландцы беснуются, несутся вихрем, все рвут, разрушают, рассеивают. Я начал свою службу в ирландском полку; были они бунтовщиками до мозга костей, между тем за «Вдову» бились лучше всех других. Это был полк черных тайронцев. Вы слышали о нем, сэ?

Слышал ли я! Я знал черных тайронцев как самых отъявленных мошенников, собачьих воров, опустошителей куриных насестов, грабителей мирных граждан и безумно храбрых героев. Половина Европы и половина Азии имели причины помнить полк черных тайронцев. И да сопутствует счастье их изорванному знамени, как ему всегда сопутствовала слава!

– Горячие это были малые, огненные. Раз в юности я рассек своим поясом голову одного человека глубже, чем хотел, и, после некоторых неприятностей (умолчу о них) попал в старый полк; со мной пришел и слух, что я малый, у которого и руки и ноги на месте. Вот мне довелось снова столкнуться с тайронцами, да как раз в такое время, когда наш полк смертельно нуждался в них. Орзирис, сынок мой, скажи-ка название того места, куда послали одну нашу роту и одну роту тайронцев, чтобы научить патанцев кое-чему, чего они не

знали до тех пор? Это было после Гхузни.

– Не помню, как его называли проклятые патаны, но, по-нашему, это был Театр Сильвера. Но ты, конечно, сам помнишь?

– Театр Сильвера! Да, да. Верно. Ущелье между двумя горами, темное, как колодец, и узкое, как талия девушки. В нем собралось патанов больше, чем нам было удобно, и они – по природе бесстыжие – называли себя резервом. Помнится, наши шотландцы и несколько отрядов гурков теснили патанский полк. Шотландцы и гурки вечно вместе, сущие близнецы, именно потому, что они так мало похожи друг на друга; когда Богу угодно допустить это, они сообща напиваются. Ну-с, как я уже сказал, одной роте старого полка и одной роте тайронцев велели обойти гору и рассеять патанский резерв. В те времена офицеров было маловато: свирепствовала дизентерия; они же мало заботились о себе; вот потому-то нас послали всего с одним офицером. Но он был настоящий молодец, со здоровыми ногами и с полным зубов ртом.

– Кто это был? – спросил я.

– Капитан О'Нейл, старый Крюк – тот, об истории с которым в Бирме я рассказывал вам. О!.. Молодчина это был! С тайронцами шел юный офицерик, но дьявольски хорошим командиром оказался он, и вы это сейчас сами увидите... Мы и они встретились на горе; оба отряда пришли с различных сторон, а этот скверный резерв ожидал внизу; патаны были точно крысы в колодце.

– Держитесь, молодцы! – сказал Крюк, который всегда заботился о нас, как мать о детях. – Сбросьте-ка на них несколько глыб, знаете, в виде визитных карточек.

Не успели мы сбросить чуть больше двадцати камней, как патаны стали сыпать страшными проклятиями; вдруг приносится офицерик тайронцев.

– Что вы делаете? – кричит. – Зачем портите удовольствие моим людям? Разве вы не видите, что они будут сопротивляться?

– Честное слово, он редкий храбрец, – говорит Крюк, – оставьте камни в покое, ребята; спустимся, сразимся с ними.

– Ну, это не сахарный сироп, – проворчал один из моих товарищей в заднем ряду, а Крюк и услышал.

– Разве у каждого из вас нет ложки? – со смехом сказал он, и мы быстро спустились с горы. Леройд лежал больной, и, конечно, его не было с нами.

– Вранье, – сказал Леройд и пододвинул к нам свои козлы. – Я был в ущелье, как тебе отлично известно, и там заполучил вот это. – Он поднял свои руки: из-под левой сверху вниз, по груди, тянулась тонкая белая полоса, кончавшаяся близ четвертого правого ребра.

– Ну, я выживаю из ума, – не смущаясь, сказал Мельваней. – Да, ты был с нами; о чем только я думал? Лежал другой. Ну, Джек, значит, ты помнишь, как мы с тайронцами сошли вниз и патаны сжали нас до того, что мы не могли двинуться.

– О, в жестокие тиски попали мы! Меня так теснили, что мне казалось, я сейчас лопну, – заметил Орзирис, задумчиво потирая себе желудок.

– Там не место было маленькому человеку, но один коротышка, – Мельваней положил руку на плечо Орзириса, – спас меня от смерти. Дрались молодецки; патаны держались чертовски долго; мы смело теснили их, ведь шел рукопашный бой, и долгое время никто не стрелял. Действовали только ножи да штыки, да и теми было не очень-то ловко орудовать, потому что мы и наши противники стояли вплотную друг к другу; тайронцы ожесточенно кричали позади нас; долгое время я не понимал, чего они беснуются, и только позже уразумел причину их ожесточения; поняли и патаны.

– Обхватывай их ногами! – смеясь, крикнул Крюк, когда мы остановились и он сам обхватил рослого косматого патана и точно прирос к земле; ни он, ни его противник не могли причинить друг другу вреда, хотя обоим хотелось этого.

– Хватай в охапку! – сказал он, когда тайронцы стали сильнее прежнего напирать на нас.

– И бей через плечо! – крикнул стоявший позади сержант.

На моих глазах мимо уха Крюка промелькнул тесак, и патан получил рану в горло, – точь-в-точь свинья на ярмарке.

– Спасибо, брат! – крикнул Крюк, спокойный, как несоленый огурец. – Мне нужно было место.

И он продвинулся вперед; упавшее тело патана дало ему возможность сделать один шаг.

– Вперед! – крикнул Крюк. – Вперед вы, чертовы переносицы! Мне, что ли, тащить вас за собой?

Итак, мы бились, тесня патанов; били их ногами, вскидывали, ругались. Трава была скользкая, каблуки скользили, и Боже помилуй переднего малого, который в этот день падал!

– Случалось ли вам толкаться при входе в партер театра «Виктория», когда все билеты были проданы? – прервал Мельванея Орзирис. – В ущелье было и того хуже; патаны двигались, а мы хотели их остановить. Лично мне не пришлось много разговаривать.

– Поистине, сынок, ты и тогда сказал это. Я держал малыша между колен, пока мог; но он так и тыкал штыком во все стороны, вслепую и был свиреп. Орзирис – сущий дьявол во время рукопашной. Правда, Орзирис? – сказал Мельваней.

– Не смейся, – ответил маленький лондонец. – Я знал, что не принесу пользы, но, когда мы вырвались на свободу, я задал перца их левому флангу. Да, – прибавил он, с силой ударив рукой по козлам кровати, – штык – оружие не для малорослого человека; он для него все равно, что удочка без лески. Я ненавижу, когда руки врагов меня царапают, когда все смешивается. Но дайте мне порядочное ружье, достаточно собранных за год патронов, чтобы порох мог целовать пулю, да поставьте меня туда, где меня не топтали бы рослые кабань, вроде тебя, Мельваней, и я, с помощью Божией, раз пять из семи свалю человека с высоты в сотню ярдов. Хочешь, попробуем, ты, неуклюжий ирландец?

– Нет, оса. Я видел тебя в деле. Но считаю, что в мире нет лучше оружия, нежели длинный штык.

– К черту штык! – сказал внимательно слушавший Леройд. – Посмотри-ка. – Он ловко схватил ружье и махнул им, как кинжалом.

– Вот, – тихо сказал он, это лучше всего; такой удар разmozжит лицо, если же нет, нетрудно ружейным прикладом перебить руку. Однако о таких вещах не пишут в книгах. Дайте мне приклад – и с меня довольно.

– Каждый дерется и каждый любит по-своему, – спокойно произнес Мельваней. – Каждый выбирает то, что ему по характеру: один – приклад, другой – штык, третий – пулю. Ну, как я уже говорил, мы стояли на месте, дышали друг другу в лицо и жестоко бранились; Орзирис винил свою мать за то, что он не родился на три дюйма выше ростом.

Раз он говорит мне: нагнись ты, колода, и я через твое плечо расправлюсь с тем малым.

– Ты отстрелишь мне голову, – отвечаю я и поднимаю руку, – проскользни у меня под мышкой, кровожадный маленький мошенник, только не уколи меня, не то я оторву тебе уши.

– Что ты сделал с тем патаном, который был передо мной и резанул меня, когда я не мог пошевелить ни ногой, ни рукой? Не помню, штыком или выстрелом угостил ты его?

– Штыком, – ответил Орзирис, – удар вверх под ребро... И он растянулся; это для тебя было хорошо.

– Правильно, сынок! Ну-с, в тех тисках, о которых я говорю, мы пробыли добрых пять минут; потом руки наши высвободились, и мы двинулись дальше. Я плохо помню, что я делал в то время, но знаю, что мне не хотелось оставить мою Дину вдовой. Достаточно порубив патанов, мы остановились, а тайронцы-то сзади обзывали нас собаками, трусами, словом, всячески ругали. Ведь мы загораживали им путь.

«Что это с тайронцами? – думаю. – Ведь им удобно драться».

Человек, который стоял как раз позади меня, сказал шепотом, да таким умоляющим тоном:

– Дайте мне добраться до них. Во имя любви к Святой Деве Марии, посторонитесь, рослый человек, и я стану рядом с вами.

– А кто вы такой? И почему вам так хочется быть убитым? – сказал я, не оборачиваясь, потому что длинные ножи патанов прыгали передо мной и блестели, как солнце на волнах Донегальского залива в бурную погоду.

– Мы видели наших мертвых товарищей, – ответил он, прижимаясь ко мне, – товарищей, которые были живы два дня тому назад. И я, двоюродный брат Тима Коулена, не мог унести его! Дайте мне протиснуться вперед, добраться до них, не то я ударю ножом в вашу спину и прокалю вас насквозь.

«Ну, – думаю, – если тайронцы видели своих убитых товарищей, помощи Боже патанам!» – И я понял, почему ир-

ландские малые так бесновались позади нашего полка.

Я посторонился. Он кинулся вперед, взмахнул штыком, точно вилами, и ударил патана в живот; тот повалился; стальное лезвие звякнуло о пряжку и сломалось.

– Сегодня Тим Коулен будет спать спокойно, – с улыбкой сказал тайронец, а в следующую секунду его голова и ухмыляющийся рот распались на две части.

Тайронцы напирали на нас; наши малые ругали их. Впереди шел Крюк, он расчищал себе дорогу, его рука с саблей взлетала и опускалась, точно рукоятка насоса, его револьвер фыркал, как злая кошка. Но самым удивительным было общее спокойствие. Бой походил на сражение во сне, только, конечно, не для убитых.

Когда я посторонился и пропустил ирландца, мне стало скверно; казалось, я весь надулся. Меня тошнило. Извиняюсь, сэр, что я говорю об этом в вашем присутствии. Наконец, я попросил товарищей выпустить меня из рядов, и, видя, что мне плохо, они расступились, хотя в другом случае сам ад не заставил бы их дать мне дорогу. Я отошел подальше, и скоро мне полегчало.

Вдруг вижу: сержант тайронцев сидит на теле того самого юного офицера, который не позволил Крюку сбрасывать камни с горы. Это был красивый, нежный малый; но в эту минуту длинные проклятия срывались с его невинных губ, как роса катится из сердцевины розы.

– Что это такое? – спрашиваю сержанта.

– Один из бентамских петушков ее величества со своими шпорами, – отвечает он, – собирается судить меня военным судом.

– Отпустите меня! – кричит маленький офицер. – Отпустите, я пойду командовать моими людьми! – Он подразумевал черных тайронцев, которыми не мог командовать никто, даже сам дьявол.

– Его отец доставляет моей матери корм для коровы в Клонмеле, – сказал сержант, сидевший на молодом человеке. – Неужели же я приду и скажу его матери, что позволил ему лишиться жизни? Лежите, вы, щепотка динамита, а потом, если угодно, предайте меня суду.

– Хорошо, – говорю я, – из офицеров вроде него со временем выходят главнокомандующие. И таких молодцов следует беречь. Что вам угодно, сэр? – спрашиваю я, знаете, так вежливо, любезно.

– Убивать мошенников, убивать их! – пищит он, и в его голубых глазах стоят слезы.

– А каким образом? – спрашиваю. – Вы трескали вашим револьвером, как ребенок хлопушкой, и теперь он пуст; вы также не можете действовать этой вашей прекрасной, длинной саблей; вдобавок и рука ваша дрожит, как осиновый листок. Лежите и подрастайте.

– Убирайтесь к вашему отряду! – говорит он. – Вы наглец!

– Все в свое время, – отвечаю я, – прежде всего я выпью.

Как раз в это время приходит Крюк, он был весь в синяках

там, где не покраснел от крови.

– Воды! – сказал Крюк. – Я умираю от жажды. Но это великий день.

Он, кажется, выпил половину меха, а остальную воду выплеснул себе на грудь, и, право, она чуть не зашипела на его волосатой шкуре. Тут он заметил офицера под сержантом.

– Это что? – спрашивает.

– Мятеж, сэр, – говорит сержант; офицерик же жалобно просит капитана освободить его. Но Крюка было трудно разжалобить.

– Держите его здесь, – говорит он. – Сегодня дело не для детей. По той же причине, – продолжал Крюк, – я конфискую этот элегантный, украшенный никелем пульверизатор для духов; мой собственный револьвер неизящно плюется и невежливо колотит меня прикладом.

Действительно, первый и второй палец его правой руки совсем почернели, такой сильной была отдача револьвера. Поэтому-то Крюк и взял оружие офицера. Вы можете не согласиться со мной, сэр, только, право, во время боев случается многое, чего не помещают в отчеты.

– Скажите, Мельваней, – говорит мне Крюк, – так ведь надо было поступить? – Мы с ним вместе вернулись к свалке, патаны все еще не отступали. Однако они не проявляли большой дерзости. Тайронцы перекликались между собой, напоминая друг другу о Тиме Коулене.

Крюк остановился, не смешиваясь с толпой; он смотрел

по сторонам, и в его круглых глазах виднелась тревога.

– В чем дело, сэр? – спросил я. – Не принести ли вам что-нибудь?

– Где трубач? – спрашивает он.

Я смешался с толпой; наши ребята отдыхали позади тайронцев, которые сражались, как осужденные души, и вот я натолкнулся на маленького Фрегена, нашего трубача; мальчишка был посреди самых храбрых, действуя ружьем и штыком.

– Забавляешься? Разве за то тебе платят? – говорю ему и хватаю его за шиворот. – Уходи отсюда и делай свое дело, – прибавляю, но вижу, что мальчишка недоволен.

– Одного я уложил, – говорит он и усмехается, – крупного, как вы, Мельваней, и почти такого же безобразного. Пустите меня, дайте добраться до следующего.

Мне не понравилась та часть его замечания, которая касалась моей личности, а потому я схватил его под мышку и отнес к нашему Крюку, наблюдавшему за ходом боя. Крюк надавал ему тумаков, так что мальчишка заревел, а потом некоторое время не мог выговорить ни слова.

Патаны начали отступать; наши молодцы заорали.

– Развернитесь! – крикнул Крюк. – Труби, дитя, труби ради чести британской армии!

Мальчик принялся дуть в трубу, как тайфун, а тайронцы и мы развернули строй; ряды патанов рассыпались, и я понял, что все происходившее раньше было нежностями да сладо-

стями в сравнении с предстоящим боем. Когда патаны дрогнули, мы оттеснили их в широкую часть ущелья, развернули фронт и побежали в долину; их мы гнали перед собой. О, это было прекрасно и страшно! Сержанты находились сбоку; огонь вырывался по всем рядам; патаны падали. Долина расширилась, мы окончательно развернули ряды; когда же она снова сузилась, мы сблизились, точь-в-точь пластинки дамского веера; в отдаленном конце ущелья, там, где они пытались удержаться, мы выстрелами сбивали их; мы истратили мало патронов, так как раньше мы работали ножами.

– Спускаясь в долину, Мельваней опустошил тридцать патронных пачек, – заметил Орзирис. – Это было дело джентльменское. Он мог бы сражаться с белым платочком в руках и в розовых шелковых чулочках.

– Крики тайронцев слышались за целую милю, – продолжал Мельваней, – и сержанты не могли остановить их. Они обезумели, совсем обезумели. Когда наступила тишина, Крюк сел, закрыв лицо руками. Все мы вернулись, каждый держался по-своему, потому что, заметьте, характер человека и его наклонности сказываются в такой час.

– Ребята, ребята, – проговорил про себя Крюк, – мне кажется, мы не должны были ввязываться в рукопашный бой, и это избавило бы от смерти людей лучше меня.

Он посмотрел на наших убитых и больше не вымолвил ни слова.

– Капитан, милый, – сказал один тайронец, подходя

к Крюку с рассеченным ртом и, точно кит, выплескивая кровь. – Дорогой капитан, правда, двое-трое в партере были потревожены, зато зрители на галерке насладились спектаклем.

И я понял, кого вижу; это был дублинец, крыса доков, один из тех малых, которые своими выходками заставили преждевременно поседеть арендатора Театра Сильвера. Они распарывали театральные скамьи и то, чем они были набиты, швыряли в партер. Я шепнул о том, что мне довелось узнать об этом молодчике, когда я был тайронцем и мы стояли в Дублине.

– Я не знаю, кто буянил, – прошептал я, – и мне это все равно. Во всяком случае, помню тебя, Тим Колли.

– Ох, – сказал он, – ты тоже был там? Мы назвали ущелье Театром Сильвера. – Половина тайронцев тоже знала старый театр, вот потому-то они и подхватили его слова. Итак, все мы стали звать ущелье Театром Сильвера.

Между тем маленький офицерик тайронцев дрожал и плакал. Ему не хотелось предавать сержанта суду, хотя он так смело толковал об этом.

– Ничего, позже вы почувствуете себя лучше, – спокойно сказал ему Крюк, – вы сами порадуетесь, что вам не дали ради забавы погубить себя.

– Я опозорен, – сказал офицерик.

– Если вам угодно, арестуйте меня, сэр, но, клянусь моей душой, я скорее вторично сделаю то же самое, чем взгля-

ну на вашу матушку, когда вы будете убиты, – проговорил сержант, который недавно сидел на этом молодом человеке. Теперь он стоял перед ним навытяжку и держал под козырек. Но юноша только плакал, да так горько, точно его сердце разбивалось на части.

В это время подошел еще один рядовой тайронец, весь в тумане битвы.

– В чем, Мельваней?

– В тумане битвы. Вы знаете, сэр, что сражение, как любовь, на каждого человека действует по-разному. Вот я, например, во время боя всегда чувствую сильную тошноту. Орзирис с начала до конца ругается, а Леройд начинает петь только в те минуты, когда рубит головы врагов; наш Джек – отчаянный боец. Одни новобранцы плачут, другие сами не знают, что делают; некоторые только и думают, как бы перерезать кому-нибудь горло или сделать что-нибудь такое же злое; некоторые солдаты совершенно пьянеют. Был пьян и этот тайронец. Полузакрыв глаза, он шатался и еще за двадцать ярдов мы могли слышать, как он переводил дыхание. Увидев молодого офицера, рядовой подошел к нему и громко, пьяным голосом заговорил сам с собой.

– Кровь, юнец, – сказал он, – кровь, юнец!.. – Потом, вскинув руки, покружился и упал к нашим ногам, мертвый, как патан. Между тем мы не нашли на нем ни одной царапины. Говорят, его погубило больное сердце, а все-таки было странно видеть это.

Мы пошли хоронить наших мертвых, не желая оставлять их патанам. Тогда-то в вересковых зарослях чуть было не погиб юный офицерик тайронцев. Он собирался напоить водой одного из этих раненых патанских дьяволов и наклонился, чтобы прислонить его к скале.

– Осторожнее, сэр, – говорю я. – Раненый патан опаснее здорового.

И поистине, едва эти слова сорвались с моих губ, как лежавший на земле выстрелил в офицерика, и я увидел, что с головы бедного мальчика слетела каска. Я ударил патана прикладом ружья и отнял у него револьвер. Юный офицерик побледнел, выстрел опалил его волосы.

– Ведь я говорил вам, сэр, – сказал я; после этого он все-таки постарался уложить патана, но я стоял, прижав дуло револьвера к уху этого дьявола. Под прицелом они решаются только проклинать. Тайронцы ворчали, как собаки, у которых отняли кость; они видели своих мертвых и хотели перебить наших врагов, всех до одного. Крюк крикнул, что он выстрелом спустит кожу с того, кто не будет его слушаться, но ведь тайронцы в первый раз видели своих убитых товарищей, и потому неудивительно, что они ожесточились. Это ужасное зрелище. Когда мне довелось впервые взглянуть на наших мертвых, я до того рассвирепел, что решил не давать пощады ни одному мужчине в области севернее Кханибара, да и ни одной женщине, потому что в сумерках они тоже нападали на нас. Ух!..

Вот мы похоронили своих убитых, унесли раненых, перешли через горы и увидели, как шотландцы и гурки вместе с патанами целыми ведрами распивают чай. В то время мы походили на шайку отчаянных разбойников, смешавшаяся с пылью кровь густым слоем покрывала нас; струйки пота бороздили этот темный налет, но наши штыки висели, точно мясницкие ножи, и на каждом из нас было по ране того или другого рода.

Вот к нам подъезжает штабной офицер, чистенький, как новое ружье, и говорит:

– Что это за вороньи пугала? Кто вы?

– Мы – рота черных тайронцев ее величества и рота старого полка, – спокойно отвечает Крюк. Знаете, слегка подсмеивается над штабными.

– О, – говорит штабной, – вы прогнали резерв?

– Нет, – отвечает Крюк, а тайронцы смеются.

– Так что же вы с ним сделали?

– Уничтожили, – буркнул Крюк и повел нас дальше, но Тумей, тайронец, громко сказал голосом чревовещателя:

– Зачем этот бесхвостый попугай остановил на дороге тех, кто лучше него?

Штабной посинел, но Тумей скоро заставил его лицо покрыться розовым румянцем, сказав голосом жеманницы:

– Поцелуйте меня, майор, дорогой, мой муж на войне, и я в депо одна.

Штабной офицер повернул коня и уехал, и я заметил, что

плечи Крюка так и прыгают.

Капрал выругал Тумея.

– Оставьте меня в покое, – не моргнув глазом, ответил ему тайронец.

– Я служил у него до его свадьбы, и он знает, о чем я говорю, а вам это неизвестно. Пожить в высшем обществе – дело хорошее. Помнишь, Орзирис?

– Да, помню. Через неделю Тумей умер в госпитале, и я купил половину его добра, а после этого, помнится...

– Смена!

Пришел новый взвод, было четыре часа.

– Я сбегая, достану вам двуколку, сэр, – сказал Мельваней, быстро одеваясь. – Пойдемте на вершину холма форта и наведем справки в конюшне мистера Греса.

Освободившиеся часовые обошли главный бастион и направились к купальне; Леройд оживился, стал почти болтлив. Орзирис заглянул в ров форта, перевел взгляд на равнину.

– Ох, как скучно ждать Мэ-эри, – замурлыкал он песенку и сказал: – Раньше, чем я умру, мне хотелось бы убить еще нескольких проклятых патанов. Война, кровавая война! Север, восток, юг и запад!

– Аминь, – протянул Леройд.

– Что это? – сказал Мельваней, который натолкнулся на что-то белевшее подле старой будки часового. Он наклонился и тронул белое пятно. – Да это Нора, Нора Мак-Таггарт!

Нони, дорогая, что ты тут делаешь одна в такое время? Почему ты не в постели со своей мамой?

Двухлетняя дочь сержанта Мак-Таггарта, вероятно, ушла из барака в поисках свежего воздуха и забрела на вал около рва. Ночная рубашонка малышки лежала складками вокруг ее шейки. Нони стонала во сне.

– Бедная овечка, – сказал Мельваней, – как опалил зной ее невинную кожу! Тяжело, жестоко даже нам; что же должны чувствовать вот такие, как она? Проснись, Нони, твоя мама с ума сойдет из-за тебя. Ей-богу, ребенок мог свалиться в ров!

Светало. Мельваней поднял Нору, посадил ее к себе на плечо, и светлые локоны ребенка коснулись седеющей щетины на его висках. Орзирис и Леройд шли позади своего товарища и щелкали пальцами перед личиком Норы; она отвечала им сонной улыбкой. И вот, подкидывая малышку, Мельваней залился песней: его голос звучал ясно, как голос жаворонка.

– Ну, Нони, – серьезно сказал он, – на тебе не очень-то много одежды. Ничего, через десять лет ты будешь одеваться лучше. Теперь же поцелуй своих друзей и скоренько беги к своей маме.

Спущенная на землю близ квартир семейных солдат, Нони кивнула головкой со спокойной покорностью солдатского ребенка, но раньше, чем ее ноги зашлепали по вымощенной каменными плитами тропинке, она протянула свои губки трем мушкетерам. Орзирис вытер рот тыльной стороной

руки и пробормотал какое-то сентиментальное ругательство; Леройд порозовел, и оба ушли.

Йоркширец громким голосом запел мелодию хора «Будка часового»; Орзирис пискливо подтягивал.

– Что распелись, вы, двое? – спросил их артиллерист, который нес патроны, чтобы зарядить утреннюю пушку. – Что-то вы слишком веселы для таких тяжелых дней.

Леройд продолжал песню, и оба голоса скоро замерли в купальне.

– О Теренс, – сказал я, когда мы остались наедине с Мельванеем, – ну и язык же у вас!

Он посмотрел на меня усталым взглядом; его глаза впали, лицо осунулось и побледнело.

– Ох, – ответил он, – я болтал целую ночь, я поддержал их, но могут ли помогающие другим помогать себе? Ответьте мне на это, сэр.

Над бастионами Форта Амара заблестел безжалостный день.